

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОМПАС РОССИИ

Камиль
Зиганшин

ХОЖДЕНИЕ
К СТУДЕНОМУ
МОРЮ

Литературный компас России

Камиль Зиганшин

Хождение к Студеному морю

«Азбука»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Зиганшин К. Ф.

Хождение к Студеному морю / К. Ф. Зиганшин — «Азбука»,
2020 — (Литературный компас России)

ISBN 978-5-389-34821-9

Роман-эпопею Камиля Зиганшина по масштабу замысла и мастерству исполнения можно сравнивать с «Одиссеей» или «Тихим Доном». Сага эта посвящена не менее важной, чем донское казачество, части русского народа – старообрядцам. «Хождение к Студеному морю» продолжает сагу Зиганшина «Золото Алдана», посвященную жизни старообрядческой общины, чей столетний путь пролег от Ветлужских лесов за Урал, в Сибирь и Забайкальский край и, наконец, к Алданскому нагорью Якутии. Главный герой, Корней Кузовкин, пройдя сквозь множество испытаний, возвращается в родной скит, но в его душе попрежнему жива детская мечта – увидеть Студеный океан. И ради него он отправится пешком через всю Чукотку. Сага «Золото Алдана» посвящена подвигу людей, которые сберегли в нетронутой чистоте древнюю русскую культуру и религиозность, дали пример удивительной духовной стойкости и многовековой преданности своей вере. Раскол – один из тяжелейших шрамов, оставшихся на теле русской цивилизации, и одновременно удивительно жизнеутверждающее свидетельство стойкости русского народа и его способности уживаться и ладить с людьми иных культур и вероисповеданий.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-34821-9

© Зиганшин К. Ф., 2020

© Азбука, 2020

Содержание

Пролог	9
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Камиль Фарухшинович Зиганшин

Хождение к Студеному морю

© К. Ф. Зиганшин, 2026

© Оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

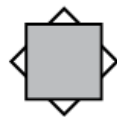
Издательство Азбука®

* * *

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
КОМПАС РОССИИ

Камиль
Зиганшин

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЕНОМУ МОРЮ

Санкт-Петербург

*Сомнение – гибель, вера – жизнь.
Дж. Байрон*

Пролог

Дарья, глядя в окно, мимо которого прошли две девицы, задумалась.

– Чего загрустила, матушка? – обнял ее за плечи гостивший в скиту настоятель монастыря отец Андриан – ее старший сын Изосим.

– Эх, сынок! Ума не приложу, что делать. Где женихов да невест искать? Пять девиц на выданье, а парней, отвечающих Правилу, нет. Либо кровники, либо родственники по кресту¹. Вон и сестра твоя, Елена, тоже в девках, а ей уж за двадцать перевалило. Паша в бобылях ходит, а ты обет дал. Похоже, так и помру без внуков, – вздохнула Дарья.

Изосим задумался:

– Есть у меня одна мысль. Попробую с китайцем поговорить.

– Что еще за китаец? – сразу насторожилась Дарья.

– Да стал захаживать к нам один из Маньчжурии. Прежде золотарил в наших краях, а когда иностранцам запретили мыть золото и стали жестко преследовать, переключился на контрабанду. С весны до осени успевает сделать на лошадях по тайным тропам четыре ходки. И нам что надобно привозит, а мы ему золотишко, кабарожью струю, пушнину.

– И что? Чем он в нашем деле может помочь? Китайцев, что ли, приведет?

– Ну что ты, матушка! – рассмеялся Изосим. – Он как-то обмолвился, что еще к каким-то бородачам товар возит. Даже ворчал: «Да сто з такое! Как борода так „не можно, да не можно“», – изобразил он торговца. – Сдается мне, что это он про наших одноверцев говорил. Ежели мое предположение подтвердится, отправлю его к тебе, как появится.

Когда китаец в очередной раз с навьюченными товаром лошадьми явился в монастырь, Изосим сразу подступился к нему:

– Ван, ты как-то говорил, что еще к каким-то бородачам ходишь. Кто они?

– Бородачи как бородачи. Такие же, как и вы, русские с веревочками.

– Можешь помочь с ними связь установить?

– Бумагу пиши. Передам.

В очередной визит Ван привез ответ от тамошнего наставника. В нем сообщалось, что они беспоповцы и тоже испытывают нужду в невестах и женихах.

На следующий день Изосим отправил китайца с одним из трудников в скит к матери. (Ван, рассчитывая на новых покупателей, согласился без колебаний.)

Обрадованная Дарья ответным письмом пригласила тамошнего наставника с молодыми на смотрины, а Вану вручила длинный список потребных общине товаров.

...На Преображение Господне китаец явился в скит со старообрядцами из неведомой Маньчжурии. Демьян, вышедший на стук в ворота, попросил Вана подождать у заплота, а одноверцев повел в избу Дарьи. Та распорядилась призвать билом народ на меновую торговлю с китайцем, а сама занялась гостями.

Уставщик, сероглазый бородач лет пятидесяти, с темно-русой шевелюрой и такими большими ручищами, что, казалось, не знал, куда их деть: то складывал их на груди, то прятал за спину. От всей его крепко скроенной фигуры веяло надежностью и спокойствием. С ним трое парней. Войдя в горницу, гости разом стянули картузы из сводедельщины и низко поклонились. После чего, повернувшись к образам, сотворили молитву и перекрестились.

¹ Помимо запрета на брак между родственниками до седьмого колена, следовало соблюдать еще и запрет на брак для родственников по кресту. Так, сыну крестной и ее крестнице тоже нельзя жениться. По этой причине в крестные старались брать из кровной родни. Есть даже поговорка: «Бери пашню ближнюю, а невесту дальнюю».

– Доброго здоровья на многие лета, матушка! Иван Федорович Кулагин, – прогудел старшой. – Это наши ребята: сыновья Харитон, Назар и племянник Устин.

– Благодарствую, что столь споро откликнулись на приглашение!

– Так ведь и у нас интерес имеется.

Заметив, что Дарья с недоумением поглядывает на узкоглазого Устина, пояснил:

– Мать у него китаянка. Но она прошла переправу. Сам Устин крещен по всем правилам, с троекратным полным погружением.

– Каков обличьем – не столь важно. Главное, чтоб в нашей вере был. Мне ближе крещеный китаец, чем некрещеный русский.

– Истину молвите, матушка... Примите от нас скромный, но полезительный для души дар – книги, своеручной работы². Одна певческая, еще до Никоновой sprawy писана, а вторая святителя Епифана.

– Спаси Христос, Иван Федорович! Мы с книгами дружим. Сами знаете, сколь важны эти мудрые советчики. При усердии в них можно найти ответы на любые вопросы.

– То верно. Умная книга завсегда побуждает к размышлению, дает примеры благочестивой жизни.

– С дороги, поди, устали? – спохватилась Дарья.

– Есть чуток. Путь неблизкий, да и тропы малохоженные.

– Паша, будь ласков, проводи гостей на серный источник.

– А далеко ль это? – забеспокоился уставщик.

– С полверсты, но очень советую. Не пожалеете. Бывает, так уломаешься за день, что ноги не держат, а окунешься – такая легкость и благодать, кажется, полетела бы как птица.

Через час посвежевших путников усадили за стол. За трапезой хозяйка полюбопытствовала:

– Иван Федорович, ну и как вам наш источник?

– Спаси Христос! И в самом деле, словно заново родился, – ответил тот, улыбнувшись.

– Рада, что довольны... В Маньчжурию-то каким ветром общину занесло?

– Ежели начать с истоков, то предки наши с Гомельской губернии Речи Посполитой. Когда по указу Екатерины прошла вторая выгонка, осели в Забайкалье в Верхнеудинском округе. Пришли туда в тысяча семьсот шестьдесят четвертом году. То достоверно знаю из исповедной росписи.

Жилось там вольготно и покойно, пока не понаехали переселенцы с Малороссии. Оне разврат принесли, ругань, ссоры. Мы, дабы оградиться, составили на сходе приговоры о недопущении чужаков. Поспокойней стало. Но явилась другая беда: начались коллективизация и притеснение со стороны власти. Пришлось, хоть и горько было, оставив дома и возделанные пашни, всей общиной податься в Северный Китай – Маньчжурию.

Добрались без людских потерь, но в дороге лиха хватило стока, что волосы у многих сделались белыми. Половина лошадей пала, оставшиеся выбились из тела. Два года терпели крайнее затруднение, особенно с провиантом. Зато ноне справно живем.

– Чего ж вы на чужбину, на такие мучения ушли? Ведь и в Сибири потайных мест в достатке.

– Так искали. В разные края ходоков посылали. Две семьи с год даже пожили было на Лене, да вертались – вельми хладный край, сказали. А тем, кто в Маньчжурию ходил, тамошний край глянулся. Сказывали, красовитей места не найти: тепло, земля жирная, зверья, рыбы вдоволь.

² Несмотря на периодические усиления гонений со стороны официальной церкви и властей, старообрядческая книжность с момента раскола интенсивно пополнялась вновь издаваемыми печатными и рукописными книгами.

Днесь не бедствуем, на ноги крепко встали. По первости тамошние семейские нас порядочно поддержали, а позже японцы. Оне разный инвентарь дали – имели задумку переселить со своих островов пять миллионов крестьян, а опыта возделывания непривычной для них маньчжурской земли не было. А как война началась, хотели забросить в Россию диверсантами, но мы отказались. Хоть и не любы Советы, идти супротив своих – грех.

В сорок пятом встречали Красную армию цветами, радовались и гордились – победили и германца, и японца. Радовались, пока не познакомились со Смершем. Оне нам: «Кулаки, беглецы! Эва, как живут!» Арестовали наставника Демьяна Дубова. Незаконно-де границу перешел в тридцатых годах... С тех пор о нем ни слуху ни духу. Куды кто делся, не ведомо.

После того нас несколько лет никто не трогал. Мы успокоились. Думали, поживем! Но в сорок девятом явилась напасть с другой стороны. В Китае к власти пришли коммунисты. Нам объявили: «Ваше проживание нежелательно, уезжайте». Кудыть уезжать? Баят, кудыть хотите. Хоть домой, хоть в Боливию, хоть в Бразилию, хоть в Парагвай – оне, мол, согласны принять. Каково русскому бородачу ехать в какой-то неведомый Парагвай?! Голову сломали – как быть?

Приезжали советские консула. Агитировали вернуться на родину, осваивать целинные земли. Гарантировали свободу и разрешение на постройку моленных домов. Переселение предлагали поэтапное, с растянутыми сроками, дабы дать возможность продать скот и имущество, приобрести товары для жизни в СССР.

К середине пятидесятых тысячи наших уехали. По ряду отзывов, судьба многих действительно сложились вполне благополучно. Но мы на сходе решили, чиво через стока годов вернуться – не для того бежали от колхозов. Не стали дожидаться, когда начнут насильно вывозить. Погрузили самое необходимое на телеги и ушли вглубь Большого Хингана – горы такие. Семейские следом подались. Сейчас оне на соседнем ключе живут. Там нас никто не беспокоит. Отстроились. Охота и рыбалка кормят. Изюбра на панты бьем. Ишо наладились тигрят для богатого китайца ловить. Он за них стока платит, што ежели двух взять, то можно год безбедно жить.

– Поди, опасное дело?

– По первости всяко бывало. Опосля наловчились. Перво-наперво мать выстрелами от тигренка отгоним. А как собаки того в круг зажмут, тут не зевай – одеяло накидывай и лапы вяжи.

– Страх какой! – ужаснулась Дарья.

– Мы ж не взрослых. Тех не взять...

– Иван Федорович, а велика ли ваша община?

– На двадцать семь дымов сто шестьдесят девять душ.

– Окромя тигров какой еще зверь в вашем Хингане водится? – встрял свекор Дарьи – дед Елисей.

– Много хто. Зайцев и рябцов не считаю. Из крупного – изюбр, лось, пятнистый олень, горалы. Медведь, конечно. Даже красные волки заходят. Леопарды, сказывают, есть. Правда, мы не встречали. Боле всего кабанов. О! Чуть не забыл – гималайский медведь имеется, его ишо древесным, за то што любит по деревьям лазать, кличут. Его тоже вдосталь. Окромя того, многочисленны еноты. Я их в паводок десятками на островах снимал. Жирные, будто бочонки. Само собой, всякое пушное зверье. Из редких непальская куница – харза.

Во время вечернего богослужения «китайцы» порадовали хозяев проникновенным, слитным песнопением по крюковым знакам.

– Баско у вас получается, до самого сердца проняли, – похвалила Дарья.

– А нам отраднo, что служба у вас по чину, – отозвался Иван Федорович.

– Как исстари Вселенскими соборами установлено, так и исповедуем. Не можем отступить от отеческих правил, – ответила довольная Дарья.

Изредка поглядывая на уставщика, она поймала себя на мысли, что он глянется ей и как мужчина. Заметила, что и она ему нравится. (Женщины чувствуют и понимают такие вещи без слов.) Ей, конечно, было приятно, что в свои года сохранила привлекательность, но в то же время стыдилась и осуждала себя за бабий интерес к гостю. Даже невольно подумала: может, была слишком строга к Корнею? Жили-то душа в душу... От нахлынувших воспоминаний сердце защемило. Дарья вдруг поняла, что до сих пор любит мужа...

Елену, как она и предполагала, сосватал Харитон – сын уставщика. На смотринах он не сводил с нее глаз. Елена действительно была красавицей. К тому же от нее исходили такое тепло и внутренний свет, что любой человек сразу же проникался к ней симпатией.

Любу, дочь Матвея, выбрал чернявый племянник Устин. А вот Назар невесту по душе не нашел – ему тоже сразу глянулась Елена, но он не стал соперничать со старшим братом.

Иван Федорович, видя, что Дарья озабочена, успокоил:

– Теперь дорогу знаем, не раз придем. Молодежь ишо имеется.

После рукобития наставники обручили молодых по уставу.

«Аз тя посягаю жену мою Елену», – торжественно, не сводя восторженных глаз с избранницы, произнес Харитон. Она отвечала: «Аз тя посягаю мужа раба Божьего Харитона». Так они повторили три раза. То же самое произнесли Устин с Любашей.

Дарья, с трудом сдерживая слезы, взяла икону и подошла к молодым: «Благословляю вас, чадо наши, ликом Господним на честный брак, телу на здравие, душам на спасение. Помните, там, где любовь, – там Бог, где совет – там свет, без совету, без любви в доме стены пусты». После этого Иван Федорович прочитал «Поучение новобрачным».

Молодухам заплели волосы в две косы и надели шашмуру – головной убор замужней женщины. А те повязали мужьям, в дополнение к узким повседневным поясам, собственноручно тканые широкие пояса с кистями, для ношения по праздникам. На Еленином было вышито «Люблю сердечно, дарю навечно». А на Любашином – «Господь хранит душу, покаохранишь мой пояс».

По завершении обряда молодожены, трижды поклонившись родителям, пригласили всех к свадебному столу. Прочитав хором все положенные молитвы, приступили к трапезе, во время которой гости по очереди вручали поклоны – подарки.

Подходили, одаривая молодых, по старшинству. Первыми подошли Еленины дед с бабкой. Елисей вручил парням сшитые им самим поняги³ из кожи, а Ольга, молвив молодым: «Мужа послушаться – Бога оскорбить», накинула каждой на плечи по вязаному платку.

Трапезничали поначалу безмолвно, но ядреная брага свое взяла. Потихоньку расшевелились, разговорились, запели песни. Матвей с супругницей пустились в пляс. Да с таким задором, что и остальные присоединились. Захмелевшая Дарья тоже вышла в круг: пусть маньчжурцы знают, что варлаамовцы умеют веселиться. Молодые же сидели чинно, брагу не пили.

Гуляли, бражничали, похмелялись три дня. Прощание было грустным. Мать Любаши рыдала в голос. Да и Дарья из последних сил держалась. Лишь напоследок, уже у ворот, всплакнула. Обняла молодых, смахнула слезу: «Свидимся ли когда, дитяtko мое ненаглядное?! – И, обращаясь к зятю, добавила: – Береги, не обижай мою дочушку. Будешь холить, лелеять – будешь как сыр в масле кататься».

Иван Федорович был доволен: ему после брачной ночи доложили, что невесты непорочны.

С молодыми в маньчжурский скит отправились Паша и трое ребят из пещерников. Павел долго упирался, отговаривался – привык холостяковать, но мать настояла: невестка ей нужна

³ Поняга – сибирский аналог рюкзака.

была теперь до крайности. Выдав Елену, она осталась без помощницы. Свекровь уже не в счет: едва по дому ходит.

– Паша, ты там больно не привередничай. Гляди не лицо, гляди сердце. Главное, чтобы добрая была да работающая. Красота ведь до венца, а ум и душа – до конца, – напутствовала она сына.

По дороге завернули в монастырь. Там и переночевали. Корней благословил дочь, а с сыном разговора не получилось – тот все время молчал, отвечал односложно: так и не смог простить обиды безотцовщины. Корней и не обижался. Понимал: как разрубленную веревку ни связывай, узел все равно останется.

Через месяц варлаамовцы вернулись в удвоенном составе. Дарья лишь только глянула на выбор сына, так и расцвела. До того пригожа была Катюша: милая, ласковая. А со временем убедилась, что и в делах она расторопна и умела.

Жизнь в скиту текла по незыблемому распорядку. Сотворив утреннюю молитву, каждый испрашивал у родителей, а при их отсутствии – у старших по возрасту благословение на предстоящее дело. После этого принимались за работу. День завершали вечерним правилом. Благодаря мудрости и душевному теплу Дарьи в общине царила атмосфера любви и уважения.

Несмотря на строгий распорядок и тяжелый труд, люди в этой глухомани не утратили тягу к красоте. Старались не только опрятно и со вкусом одеваться, но из года в год прихорашивали отстроенные после пожара жилища.

Окна обрамляли, каждый на свой лад, затейливыми наличниками со сквозной резьбой. Ставни украшали узорчатыми росписями, а стены внутри дома – порхающими среди деревьев птицами, цветами и непременно единорогом – символом силы и свободы. Все это делало жилище похожим на цветущий райский сад.

Цветистым орнаментом разрисовывали не только стены, но и печи, матицы, двери, стулья. У иных узорочье было даже на прялках и посуде. Все это ласкало глаз, создавало праздничный настрой даже в хмурые осенне-зимние дни.

Хозяева, обновляя росписи, старались заполучить Капитона, самого даровитого в этом деле.

Сряда⁴ тоже всячески украшалась. При этом особый упор делался на вышивку, на ее яркость и неповторимость узора. Наряды бережно хранили и надевали лишь по великим праздникам. По мере необходимости подновляли, освежали. Но и к повседневной одежде относились крайне бережно. Кроили безостатковым способом, а самые лучшие ткани использовали лишь для видимых частей костюма: воротников и фартуков.

Рукоделию обучали с малых лет. К семи годам девочки уже умели прясть и вышивать. К десяти-двенадцати, когда начинали готовить приданое, самостоятельно ткали в разной технике; кроили, шили простые фасоны. Небрежность резко осуждалась. Говорили – «худую», неумелую никто замуж не возьмет.

Мальчиков учили не только плотничать и столярничать, но и рыбачить, охотиться, заготавливать дрова. А всех вместе – грамоте и Закону Божьему.

Обучение велось как в семье, так и в школе. Правда, после смерти наставника Григория школа какое-то время бездействовала. Дарья, помня его слова: «Если в детстве не будем говорить с детьми о Боге, то в старости будем говорить с Богом о детях», решила возобновить занятия. Особенно необходимы они были для детей пещерников. Рассудив, что лучше Паши для этого никого не найти: начитанный и спокойный, убедила сына взять на себя школу.

Занятия Павел Корнеевич начал с изучения Азбучки. Освоив ее, перешли к чтению Ветхого Завета и Пятикнижью.

⁴ Сряда – нарядная одежда.

Попутно учили наизусть «Символ веры» и сороковой псалом («Отче наш» и «Богородице Дева, радуйся» дети знали с малолетства). Учили так, чтобы помнить до смертного часа. В хорошую погоду уроки проводил прямо на лужайке перед школой или на берегу Глухоманки.

Прочитав очередную главу Ветхого Завета, растолковывал ребятам ее суть на примерах из жизни общины. Попутно ненавязчиво разъяснял смысл требований Устава, писанного старцем Варлаамом.

Кому-то учение давалось легко, а с кем-то приходилось оставаться и заниматься дополнительно. Ремеслам же детей обучали другие члены общины, каждый по своей части.

* * *

Хорошо это или плохо, но жизнь Создателем устроена так, что покой и благодать не длятся вечно. В 7463 году со дня сотворения Мира (1957) лета практически не было. Каждый день дождь, холодный, порывистый ветер. А в конце июня двое суток кряду валил снег. Погибло почти все звериное и птичье потомство. Выживших добила бескормица: не уродились ни ягоды, ни орехи, ни грибы. Холодное лето больше всех огорчало детвору – вода в Глухоманке была такой студеной, что ни разу не искупались.

Надежду на благополучную зимовку скитникам давала навяленная рыба. Ее, к счастью, в речке и озере не убавилось. Да и гусей во время линьки худо-бедно набить удалось. А вот набрать кедровых орехов и брусёны из-за неурожая не получилось. Посему упор сделали на съедобные коренья. В общем, голод общине не грозил.

* * *

А вот обитатели монастыря от сюрпризов непогоды пострадали изрядно. У них за лето снег выпадал дважды. Первый, в июне, погубил всходы яровых и буквально припечатал к земле озимую рожь. Заодно тяжелым снежным саваном переломало деревья. Второй добил остатки того, что уцелело. Посему монастырским, чтобы посеять озимые⁵ и оставить зерно на весеннюю страду, пришлось резко ограничить выпечку хлеба.

Все понимали, что следует подналечь на рыбалку и охоту. Мужики уходили в обедневшую тайгу на несколько дней, но с добычей возвращались редко.

У Корнея к тому времени рана на культе зажила, и он, смастерив протез, учился ходить на нем. Первая конструкция оказалась неудачной: протез то и дело съезжал и культю пронзала острая боль. Пытаясь хоть как-то улучшить конструкцию, поместил протез в кожаную гильзу, плотно облегающую культю. Два поперечных ремня надежно фиксировали ее и обеспечивали равномерное распределение нагрузки при ходьбе.

Первое время Корней прогуливался лишь по территории монастыря. Когда кожа достаточно огрубела, стал выходить за ворота, где собирал дикоросы, а пообвыкшись, и в тайгу на охоту, как правило удачную.

Старший сын Корнея – Изосим, он же настоятель монастыря, отец Андриан, обиды на отца за то, что тот ушел из семьи, не поминал и вел себя уважительно.

...За время, пока заживала культя, Корней стал завсегдатаем монастырской библиотеки. В ней нашлось и несколько книг по географии. Больше всего нравилось ему разглядывать карты в большом, увесистом фолианте «Атласъ Россійской имперіи». Часами рассматривая хребты, затейливые нити рек и речушек, он вживую представлял эту местность.

⁵ Озимые сеют с конца августа по начало сентября, чтобы до снега ростки успели вырасти до 10–12 сантиметров.

Чаще всего раскрывал разворот, на котором были изображены река Лена и впадающий в нее Алдан. (Кружочек, обозначающий город Алдан⁶, на его извилистой ниточке почему-то отсутствовал.) Определив по характерной излучине место впадения Глухоманки, Корней отправлялся в мысленное путешествие по загогулинам русла, то приближаясь, то отдаляясь от Верхоянского хребта, до голубого поля с надписью «Северный океань».

Когда он первый раз прочитал эту надпись, ему представилось громадное, бескрайнее озеро. Особенно потрясла Корнея его глубина. Судя по отметкам на карте, она в некоторых местах превышала две тысячи метров. «Сколько же лет реки заполняли эту ямину? Пожалуй, не одну тысячу», – удивлялся он.

Корнею так нравились странствия по картам, что он мог просидеть над атласом по несколько часов кряду.

Эти воображаемые путешествия распаляли его фантазию. Неведомые горы и прихотливые извивы рек представляли перед его мысленным взором так четко, что он «видел» их в мельчайших деталях.

Юла, сидящая в нем, набирая обороты, пробуждала желание отправиться-таки к загадочному Студеному морю, известному ему из сказок эвенкийской бабушки.

Прознав, что один из монастырских трудников много раз хаживал с экспедициями по побережью Северного океана, Корней зазвал его к себе.

Долговязый, сутуловатый бородач с умными серыми глазами в свои сорок с небольшим действительно исходил весь Север, любил его и мог рассказывать о нем бесконечно. Поэтому монастырские звали его Географом. Как позже выяснилось, тот и в самом деле был учителем географии. Окончив Ленинградский университет, он девять лет преподавал в школе.

– Николай Александрович, как же вас занесло в те края?

– Так я, Корней Елисеевич, там и родился. Дед мой из ссыльнопоселенцев. Еще при Александре Третьем протопал по этапу от Тульской губернии до Усть-Янска. Бабушка поехала за ним. Пока отбывали срок, обжились, детей нарожали. Так и остались. Это ведь только для заезжих Север – замороженная, закованная во льды и обделенная светом окраина. Они и представить себе не могут, какое буйство жизни у нас летом! А как красиво небо, расцвеченное северным сиянием. Те, кому выпадает счастье видеть все это, пленяются Севером навсегда.

– Я пока ничего этого не видел, но меня почему-то с детства тянет туда. Завидую первооткрывателям Севера. Так хочется пройти по их следам.

– Здорово! Вы не пожалеете! Поверьте, в нашей стране не так уж много мест, принявших столько прославленных путешественников, как мой Усть-Янск, – обрадовался Географ. – Представьте себе, еще в тысяча шестьсот тридцать седьмом году енисейский десятник Елисей Буза первым спустился по Лене и вышел в Ледовитый океан с отрядом в пятьдесят человек. На следующий год он же со товарищи на не боящихся льдов круглобрюхих кочах⁷ достиг устья Яны. Тогда же боярский сын Иван Ребров прошел пролив Дмитрия Лаптева и зашел в устье Индигирки.

– На карте есть море Лаптевых. Это в его честь?

– Разумеется, в честь его и брата Харитона⁸. А устья Колымы морем первым в тысяча шестьсот сорок третьем году достиг казачий атаман Михаил Стадухин. Общая протяженность открытых и описанных им берегов составила полторы тысячи километров.

Арктический мореход Семен Дежнёв, выйдя из Нижнеколымского острога в тысяча шестьсот сорок восьмом году на кочах, совершил выдающееся географическое открытие –

⁶ Алдан был основан в 1923 году (городом стал в 1932-м), а атлас издан в 1912-м.

⁷ *Коч* – русское парусно-гребное деревянное одномачтовое, однопалубное судно с корпусом яйцеобразной формы.

⁸ Полярные исследователи – двоюродные братья Дмитрий и Харитон Лаптевы первыми описали береговую линию этого моря.

доказал, что Азия не смыкается, как до того полагали, с Северной Америкой. Обогнув Чукотский Нос, он первым прошел на лодке вверх по реке Анадырь, где построил острог. В Усть-Янске с научными целями побывали капитан-командор Семен Лаптев, мичман Федор Матюшкин. Позже Колымская экспедиция Фердинанда Врангеля описала побережье от Индигирки до Берингова пролива, который, вообще-то, справедливей было бы называть проливом Семена Дежнёва, ибо проход из Ледовитого океана в Тихий пройден и описан им на восемьдесят лет раньше обрусевшего датчанина.

– Вот это ничего себе! А я только про Дежнёва и Врангеля читал.

– Что вы! На моей родине работали еще такие известные исследователи, как барон Толь, боцман Бегичев, геолог Волосович, ученый Миддендорф. А экспедиция друга Врангеля – лейтенанта Петра Анжу так и называлась Усть-Янской. Описывая берег между Оленёком и Индигиркой, он прошел на собаках тысячи километров.

Наш Усть-Янск в те времена был известен от Таймыра до Чукотки. Я бы назвал его форпостом лейтенантов. Поглядите, чьи подписи стоят под знаменитой генеральной картой Сибири, составленной по описям Великой Сибирской экспедиции: лейтенанты Харитон Лаптев, Дмитрий Овцын, Сафрон Хитров, Иван Елагин; капитаны флота Степан Малыгин, Дмитрий Лаптев. Со временем почти все они стали адмиралами.

До увлеченных беседой приятелей донесся звук била, призывающий к обедне.

– Николай Александрович, слушать вас интересно, но негоже опаздывать. Предлагаю снова встретиться после службы.

Корней встал и, приглаживая густо засеянную седыми нитями бороду, добавил:

– Для меня важно все, что касается Севера. Особенно про ранешние времена.

– Так я с удовольствием поделюсь всем, что знаю. Свою карту для наглядности принесу...

Корней Елисеевич, просьба есть. Если не затруднит, зовите меня просто Николаем или Географом. Мне так привычней.

– Договорились.

Вечером Географ продолжил свой эмоциональный рассказ о землеописателях прошлого:

– На мой взгляд, вся эта лейтенантско-сибирская экспедиция, продолжавшаяся десять лет, с тысяча семьсот тридцать третьего по тысяча семьсот сорок третий год, – воистину великая, я бы даже сказал – героическая! Поражает невероятная преданность делу и Отечеству! Ведь ни один народ, ни одно государство в те годы не пыталось, да, по-моему, и не смогло бы предпринять такого. Это как раз то, что называется русским размахом... Возьмем, для примера, только август – октябрь тысяча семьсот сорокового года.

Представьте Север того времени. На крайнем востоке страны, в Авачинской бухте, на Камчатке, отдают якоря пакетботы «Святой Павел» и «Святой Петр», прибывшие из Охотска под командой Беринга и Чирикова. В те же дни команда бота «Иркутск», на капитанском мостике которого стоит Дмитрий Лаптев, отважно пробивается сквозь льды вблизи устья Колымы, стремясь к неведомым землям Чукотки. А возле восточного берега Таймыра, сплюснутый торосами, идет ко дну бот «Якутск». Его экипаж, по решению Харитона Лаптева, направляется по льдам к пустынному берегу полуострова Таймыр и посуху обследует, описывает его. Тщательность и точность, с какой выполнены эти работы, поразительны. Еще более поразительно мужество этих людей: ведь они испытывали нехватку практически во всем. Я вам сейчас покажу маршруты этих экспедиций.

Возбужденный Николай развернул на столе вычерченную от руки карту.

– Вот смотрите...

– Погоди, погоди – темновато, – остановил его Корней и, пересев к печке, нащипал ножом, сделанным из старой косы, лучины. Запалил сначала одну, потом, для лучшего света, вторую.

– Вот теперь получше. Так что там у нас?

– Смотрите, здесь нанесены все маршруты. Штрихами – первопроходцев, а те, что мы прошли, – точками. Я ведь тоже изрядно помотался с экспедициями по Северу. Если сложить их все вместе, то поболее кругосветки получится. Вот отсюда досюда прошел в тысяча девятьсот сороковом с Ленинградской экспедицией. И тут был, и тут, – с гордостью показывал он.

– Я тоже немало походил по лесам и горам, но с тобой не сравняться.

– Вам будет чудно, но в Заполярье леса в обычном понимании нет.

– А что там, трава, что ль?

– В основном карликовые березки и ползучие ивы. А вот цветов море. Когда все они зацветают, красота неописуемая! Глаз не отвести. Горы есть, но пониже здешних и по большей части лысые. А вот озер и болот без счета. В них, правда, не утонешь – мелкие, а под водой вечная мерзлота.

С того дня их вечерние посиделки стали регулярными. Николай приходил к Корнею, как только управлялся с заданиями благочинного⁹.

За чаем он рассказывал все, что знал о Севере. Корней внимательно слушал. Если что-то было непонятно, переспрашивал. Оставшись один, записывал в тетрадь самое важное. В том, что судьба свела его с таким знатоком Заполярья, он видел Божий промысел.

Эти встречи-беседы окончательно лишили скитника покоя. Север все сильнее манил его. Никакие доводы разума уже не могли заглушить его желания идти туда, куда звала мечта, рожденная в детстве бабушкиными сказками: ведь ни одна из них не обходилась без упоминания о Студеном море. Корней и не противился этому зову. Эта мечта-желание настолько завладела им, что, ложась спать, он непременно мысленно проходил весь путь от монастыря до океана. А случалось, просыпался ночью от нахлынувших сновидений воображаемой дороги и подолгу лежал, заново переживая сон.

Корнею хотелось обсудить с сыном свое намерение отправиться на Север, но все робел: как-никак настоятель монастыря. Наконец набрался смелости и, выждав момент, когда тот отдыхал в своей келье, постучался. Изосим отворил сразу, словно ждал его. Это успокоило Корнея, и он заговорил без стеснения:

– Сынок, – тут он запнулся, – отец Андриан, пришел посоветоваться.

– Слушаю внимательно.

– Ничего не могу с собой поделать. Старая маета одолевает стала – потянуло в дорогу.

Изосим вопросительно глянул:

– И куда теперь?

– На этот раз туда, где кончается земля. Хочется увидеть океан и побывать в тех краях, где пол-лета – день, ползимы – ночь. Представь, там даже медведи белые!.. Что посоветуешь?

Сын смотрел на отца и думал: «Неугомон! Как был бродягой, так им и остался. Такого в четырех стенах не удержать», а вслух произнес:

– Ведал, что маешься, ждал, когда сам придешь. У Создателя на каждого из нас свой замысел. Коли Он тебя на край Земли призывает – стало быть, это для чего-то надобно... Благословляю!

Андриан перекрестил отца:

⁹ *Благочинный* – священнослужитель, несущий ответственность за хозяйственную деятельность в монастыре и соблюдение братией внутренних правил.

– И когда мыслишь отправиться?

– По весне, как земля подсохнет.

Хотя Изосим знал, что раньше июля отец не выйдет, поправлять не стал:

– Время подходящее. Одно тревожит – как на культе в такую даль?

– Ты же сам в проповеди о святом Луке говорил, что главный враг человека – страх. Что для успеха задуманного надобно не страшиться и, уповая на Бога, действовать. А уж Он подскажет и поможет.

– Я и не отрицаю того, но беспокоюсь – путь-то не близкий.

– Нога не подведет. Протез хорошо подошел, сидит как влитой. Да и кожа загорела, не так чувствительна. Главное выйти к Алдану. Дальше мыслю на пароходе.

Тут Корней развернул тщательно скопированную из атласа карту:

– Ежели Господь позволит, хочу достичь вот этого пролива. Берингов называется. За ним Русская Америка. Знаешь, кто такой Беринг и почему пролив назван его именем?

И Корней с жаром принялся рассказывать про экспедицию командора, которая благодаря мужеству и таланту капитан-лейтенанта Чирикова совершила массу географических открытий.

– С маршрутом все понятно, а как с родительским благословением? Без него пути не будет. В поучении Ивана Златоуста прямо сказано: «Родителя послушаться – Бога оскорбить».

– За то сильно опасаюсь... Отец ведь так и не простил.

– Сходи, покайся, глядишь, смягчится... Заодно проверишь, как нога себя поведет. В гостинец муки прихвати – у них, поди, давно кончилась. Благочинному скажу, чтоб отсыпал.

Выйдя из кельи, окрыленный Корней немедленно направился к Географу. Не терпелось поделиться радостью, что настоятель поддержал его намерение достичь не только океана, но и Берингова пролива.

– Корней Елисеевич, если вы не против, я бы тоже с вами пошел.

– А чего мне противиться? Вдвоем-то сподручней и веселей. Тем паче места те знаешь, да и к бивачной жизни привычный. Только прежде чем идти, мне непременно родительское благословение получить следует. Без него никак.

Не любивший долгой раскачки, Корней отправился в скит, едва стали гаснуть звезды. В лесу стояла обычная предрассветная тишина, но стоило взойдшему светилу позолотить морщинистую кору сосен и выбелить стволы берез, лес ожил: защебетали, запорхали разнокалиберные птицы, забегали зверушки.

В горельнике, в просвет между подрастающими елочками мелькнул круп убегающего сохатого.

– Ишь ты, белоштанник! Испугался?! – улыбнулся Корней.

Где-то в стороне неуверенно попробовала голос кукушка и смолкла, прокуковав двенадцать раз.

– Что-то маловато ты мне отсчитала, – продолжал посмеиваться скитник.

«Пристыженная» птица вскоре возобновила счет и вещала свои пророчества до тех пор, пока Корней не сбился со счета. В растущих вдоль тропы зарослях шиповника он разглядел алые ягоды. Сняв со спины понягу, прислонил ее к стволу кедра и, отцепив притороченный котелок, стал собирать их для матери. Ягод было немного, и, переходя от куста к кусту, он заметно удалился от тропы.

Неожиданно с нее донесся короткий рык. Привстав, скитник увидел, что в метрах четырех-пяти от поняги стоит небольшой, видимо прошлогоднего помета, медведь. Обнаружив незнакомую штуковину, он внимательно рассматривал ее издали и потешно вертел головой. «Что это такое? Оно опасное? Можно ли это есть?» – читалось в его движениях.

Зверь крадучись делал к поняге шажок и замирал, вслушиваясь и всматриваясь, как «оно» отреагирует на его приближение. Сделав несколько шажков, остановился, переминаясь

с ноги на ногу. Решив, что «оно» спит, стал фыркать и ударять перед собой передними лапами. Однако «оно» не реагировало.

Корней с улыбкой наблюдал за «храбрецом».

Наконец тот, подойдя почти вплотную, как можно сильнее отклонившись назад – мало ли чего! – вытянул вперед лапу и попробовал прикоснуться самыми кончиками когтей. Едва успев дотронуться, резко отдернул ее – будто обжегся. Помедлив, решил повторить свой храбрый поступок. В этот раз коснулся чуть смелее – поняга шевельнулась! Медведь тут же отпрянул. А успокоившись, вновь решил подойти, но уже с другой стороны. Убедившись, что «оно» не опасно, пестун принялся обнюхивать, дотрагиваясь уже носом.

Корней понял, что пора спасать понягу, и застучал ножом по котелку.

Перепуганный зверь, зауффкав, бросился наутек. Отбежав немного, обернулся и посмотрел с обидой – эх! такую добычу пришлось бросить!

А скитник, набрав ягод, продолжил путь. Метров через триста увидел медведицу с двумя медвежатами и тем самым любознательным пестуном. Вокруг чернели свежие поковки. Косолапые выкапывали корни борщевика и, отряхнув от земли, аппетитно причмокивая, ели их. Корней осторожно обошел семейку.

* * *

Чем ближе Кедровая Падь, тем сильней тревога: как примет отец?

Вот и скит. Из некоторых печных труб, видневшихся за заплотом, струился дымок. Корней жадно вдыхал знакомые, только этому месту присущие запахи.

Постаревший, белый, как полярная сова, Елисей встретил неприветливо. Набывчившись, недобро зыркнул глазами из-под кустистых бровей:

– Чо пожаловал?

Погрузневшая мать, держа в руках принесенный сыном котелок с шиповником и ковригу хлеба, запричитала:

– Чего уж ты! Аль не сын? Поговори нормально.

– Ну, слушаю, – досадливо поморщился тот, насупив брови.

– Тятя, пришел вымолить твое прощение, – видя, что отец смотрит по-прежнему неприязненно, взмолился: – Не гневайся, прости Христа ради. Затмение тогда нашло, бес попутал, – в голосе Корнея прозвучала такая непостижимая боль, что взгляд отца помягчел. – Наказан я сполна – вот и ногу потерял, – задрал штанину сын.

Увидев протез, Елисей обомлел, а мать завывала в голос.

– Прости, тятя! Прости! Прости Христа ради, – твердил Корней, с мольбой глядя на отца.

Старик, прикрыв рот ладонью, прокашлялся:

– Я что? Я не судья. Главное, чтоб Господь простил... Может, и я где-то оплошку дал, – и, повернувшись к жене, уже твердо произнес: – Полно, мать, мокроту разводить, на стол мечи. А ты садись, – указал он Корнею на лавку.

Заметив, что тот не решается, добавил:

– Чо мнешься? С дороги, поди, голодный.

Узнав о намерении Корнея, Елисей преобразился и даже посветлел лицом:

– Я ведь тоже когда-то имел охоту до Студеного моря сходить, да не сложилось... Коли душа просит, благословлю... Токо впопыхах такие хождения не делаются. Все загодя надобно подготовить... Эх, дожить бы до твоего возвращения да узнать, каково оно, Студено море. Да чую – не дотяну... Изломался весь, силенок нет, и сердце по утрам замирает, а потом как зачастую, будто вдогонку пускается.

Елисей, шаркая, подошел к божнице и снял с полки литую иконку Николая Чудотворца. Глядя сыну в глаза, промолвил:

– Это наша родовая икона. Перешла ко мне от твоего деда Никодима, а ему от основателя общины – Варлаама. Во всех мытарствах сопровождала, беду и напасть не раз отводила. Даст Бог, и тебя в пути оборонит.

– Спаси Христос, тятя!

– В дороге, сынок, всяко может случиться. Как бы тяжело ни было, не паникуй. Запаникуешь – пропадешь. Паника – страшнейший враг. Не давай ей овладеть тобой. Тогда и Господь не оставит...

Перекрестив, Елисей вручил иконку сыну.

Растроганный Корней благоговейно приложился к лику покровителя путешественников, поклонился отцу в пояс и попытался было что-то сказать, но горло сдавил судорожный комок...

Ближе к вечеру вернулись с Глухоманки Дарья с Пашей и невесткой Катей. Они собирали уродившуюся на мари у Завала клюкву. Хотя и обрызнуло волосы у Дарьи сединой и фигура несколько оплыла, но стан по-прежнему прямой и лицо своей былой красоты не утратило.

Молодые, молча поклонившись, сразу удалились в свою каморку. Дарья же не знала, как себя вести. Корней тоже растерялся. Так и стояли молча.

– Пошто заморозилась? Чай, твой муж, – нарушил заминку Елисей. – Вот пришел благословение испросить на путь к Студеному морю.

– Куда-куда?! – переспросила пораженная Дарья.

– Че раскудахталась? Сказал же – к Студеному морю.

– Ну и как? Что порешили?

– Благословил... Простил я его.

Узнав, что Корней обезножил, Дарья, в порыве сочувствия, неожиданно для себя, забыв обиды и едва сдерживая слезы, обняла мужа.

Корней, вдыхая запах ее волос, замер, не веря своему счастью. Так они и стояли, глядя друг на друга сквозь пелену слез, как когда-то, в прошлой, такой счастливой и такой далекой жизни. Во взгляде Дарьи читались то бессловесный укор, то непонимание, то восхищение.

– Боже мой! Ты так и не изменился, – прошептала она. – Все такой же шальной, волк-одиночка.

– Понимаешь, океан так манит, что порой дрожу от нетерпения – быстрее бы отправиться. Ажно дышать стал по-другому.

– А сдюжишь?

– До вас же дошел и до Алдан-реки, с Божьей помощью, дойду. А дале на пароходе мыслю. И не один иду, с товарищем. Он Север хорошо знает – родом с тех краев.

– Дивлюсь я на тебя...

Тут она едва сдержалась, чтобы не сказать ласково «Горе ты мое луковое».

– Дарьюшка, тебе премного благодарен. Родители с тобой как у Христа за пазухой. Отец вон какой бравый.

– Это он на людях бодрится. На самом деле болезный. Иной раз бывает так плох, что задыхается, словно рыба на берегу. Давеча едва откачали.

– Да уж, тятя жалобиться не любит... Пластина-то, гляжу, теперь в нашем доме стоит. Картинки смотрите?

– Какое! Она уж с год как не кажется.

– А Ларь как?

– С ним все в порядке. Паша с пещерниками приглядывают.

– Дарья, помнишь, я тебе рассказывал про залежь самородного золота. Где оно схоронено, никто, кроме меня, не знает. На случай, ежели золото общине понадобится, я на этом листке обозначил дорогу к залежи. Токмо никому не кажи. Сама, если что, сходи. Не то беда будет.

– Не беспокойся. Я понимаю.

* * *

Утром, перед тем как выйти из избы, Корней постоял у порога, оглядывая отчий дом так, словно хотел запечатлеть в памяти все до мельчайших деталей. После чего решительно распахнул дверь – впереди его ждала полная испытаний дорога.

У скитских ворот Елисей еще раз перекрестил сына двумя перстами и добавил к лежащим в поняге трем вяленным гусям мешочек отборных кедровых ядрышек – полночи чистил. Прощались молча, соединяя усы и бороды в трехкратном ликовании.

Дарья, прижавшись напоследок, прошептала:

– Буду каждодневно молить Господа за тебя.

Отходя, Корней несколько раз оборачивался и, шурясь от солнца, поглядывал на сутулого отца, грузную мать и ладную Дарью.

В монастырь он не шел, а почти летел по нахоженной за четверть века тропе, с наслаждением вдыхая пьянящие запахи хвои и трав. Еще бы, такая радость: тятя и Дарья не только простили его, но и были приветливы, порой даже ласковы. Еще вдохновляло то, как легко он осилил полсотни верст, отделяющих скит от монастыря.

А вот к Алдану тропы не будет, разве что зверовая. Там завалы и буреломы; да и расстояние поболее верст на двадцать. Но в душе крепла уверенность, что и этот переход он одолеет.

Тайга, прогретая полуденным солнцем и погруженная в сладостную летнюю истому, была до того красива, что в душу вливалась редкая благодать. Сердце Корнея переполняло желание благодарить Создателя. Без конца осеняя себя крестным знамением, он принялся громко читать все известные ему благодарственные молитвы. После чего улегся на до хруста высохший ягель и, раскинув руки, вслушивался в голоса леса: глухо шумел, вздыхая, старик-кедр, пугливо звенела, дрожа от малейшего ветерка, осина; весело лопотала, словно радуясь ему, береза.

Сколько он так лежал, ласкаемый солнцем и шаловливым ветерком? Сколько прошло времени? И есть ли оно? Все это было не важно. Важно было то, что он чувствовал себя абсолютно счастливым!

* * *

Подготовив за зиму все необходимое для дальней дороги – а требовалось учесть массу мелочей, без которых в пути не обойтись, – Корней с Николаем не чаяли, когда сойдет снег, подсохнет и можно будет отправиться в путь.

Весна не подвела, вступила в свои права дружно, но не успела скатиться талая вода, как зарядили обложные дожди. Потянулось мучительное ожидание погоды. Друзья каждое утро с надеждой взирали на небо, однако хмарь не собиралась отступать. Невзирая на непогоду, на соснах затопорщились свечечки будущих шишек.

В конце второй седмицы июня ранним утром в келью Корнея зашел взволнованный Изосим.

– Тятя, собирайся! Чую, деда уходит.

До Корнея не сразу дошел смысл леденящих сердце слов.

– Куда это он на старости собрался? – А поняв, вскочил: – Так идем. Я готов.

Он не стал спрашивать, откуда сыну ведомо это, – знал, что тот многое предчувствует. Через полчаса они были в пути. Хотя отправились налегке, идти споро не получалось. Тропа от дождей раскисла, и ноги разъезжались. Корней, чтобы не упасть, вырубил себе посох. Изосим, жалея отца, весь груз нес сам.

Сильно задерживали ручьи, превратившиеся в широкие, бурные потоки. Если прежде их можно было просто перешагнуть, теперь приходилось одолевать вброд – до того много в них стало воды. Шли без остановки весь день и всю ночь. На рассвете, мокрые и грязные, вошли в скит. Дарья во дворе кормила собаку. Поцеловав сына и приобняв мужа, вполголоса произнесла:

– Отец совсем плох. Не встает, второй день от еды отказывается, только водичку пьет. Вчера уж Григорий с Анастасией весь день были. Григорий соборовал, исповедовал и причастил. Хотела нынче Пашу за вами послать, а вы, слава Богу, сами явились.

Возле кровати, на которой лежал исхудавший, с безжизненно застывшим лицом и заострившимся носом Елисей, сидела, поглаживая высохшую, перевитую венами руку мужа, Ольга.

Услышав скрип половиц, старик приоткрыл глаза.

– Корней... вот радость! Не чаял увидеть, – с трудом пролепетал он, – думал, ты уж в пути, – и, переведя взгляд на Изосима, добавил: – А я, дурень, опасался, что не почувешь. Ан не утратил прозорливости. – Силясь что-то еще сказать, он весь напрягся, однако вместо слов зашелся сухим кашлем. Переведя дух, тихо, но в этот раз внятно продолжил с трогательным спокойствием: – Приходит пора, и лист с дерева опадает... Вот и мой час настал... Одолела-таки немочь... Сердце чуть токает...

Приступ кашля не дал договорить. Отдышавшись и успокоившись, он медленно произнес:

– Сынок, ты уж не отступи, нашу мечту исполни...

* * *

Создатель за добродетельно прожитую жизнь пожаловал Елисею Никодимовичу кончину легкую, безболезненную. Преставился он до того тихо и незаметно, что не сразу поняли – думали, уснул.

Обмыв и облачив умершего в длинную белую рубаху, уложили в выдолбленную им же из цельной лесины домовину. В руки вложили лестовку.

Лицо почившего, все более просветляясь, казалось, даже слегка порозовело. Морщины и скорбные складки разгладились, легла печать умиротворения. Он был красив в своем смирении и ожидании скорой встречи с Богом.

Во время отпевания Корней не сводил глаз с отца. Он испытывал горькую сладость не только оттого, что успел получить прощение и благословение, а еще оттого, что благодаря непогоде, устроенной по воле Господа, он задержался и проводил отца в последний путь.

На следующий день одни мужики пошли на погост копать могилу, другие принялись готовить материал на могильный сруб и крест.

Хоронили всей общиной, торжественно и спокойно. Кедровую домовину, устланную стружками, несли шестеро, из числа не сродников, до самого погоста.

Мать после похорон слегла: не могла представлять себе жизнь без мужа, с которым в любви и согласии прожила пятьдесят девять лет. Лежала, время от времени приговаривая: «С кем мое солнышко взошло, с тем и закатится». Лишь изредка вставала и, с трудом подойдя к божнице, молилась, глядя на лик Христа:

– Господь, сжался! Прошу Тебя лишь об одной милости: даруй мне смерть для воссоединения с мужем, рабом Твоим, Елисеем.

Изосим не мог надолго оставлять монастырь. Отслужив на девятый день молебен, ушел. Корней решил побыть с матерью, сорок дней молясь о прощении вольных или невольных гре-

хов умершего. Он часами сидел рядом с матерью и, чтобы хоть как-то отвлечь ее от горестных дум, подробно рассказывал истории из того времени, когда он жил в стойбище ее отца.

Мать слушала, приложив ладошку к уху, то удивленно ахая, то одобрительно кивая головой. Порой и сама принималась вспоминать случаи из своего детства.

В один из вечеров она взяла Корнея за руку и, глядя в глаза, принялась с дрожью в голосе говорить:

– Сынок, твой Север с головы не идет. Вдругорядь всякая жуть мерещится... Уж иней сел на волосы, а ты в такую даль собрался. Ну что вы с отцом в том море-окияне потеряли?

– Так ведь то твоя мать посеяла в наших душах тягу к Северу. Все ее сказки в Студеном море заканчивались.

– Сказки – они и есть сказки. Но в жизни все не так. Это ж не в стойбище сходить. Вспомни дядю Бюэна: на что опытный, а в полынье утонул. Да и сам ты хоть и много хаживал, а вот ногу потерял... Еще о вас с Дарьей думаю. Она, гляжу, вроде оттаивает, может, у вас и наладится. Ей, что думаешь, легко одной?.. Оставайся! Очень прошу!

И такая боль прозвучала в голосе матери, что у Корнея защемило в груди. Собираясь с мыслями, он откинул со лба тронутые сединой волосы:

– Матушка, как тебе объяснить... Хорошо в скиту. Рад, что привечаете. Но все одно усидеть не смогу. У меня уже все мысли *там*. Ни о чем ином не думаю. Пойми, коли останусь, всю жизнь не только себя, но и вас корить буду: почему не пошел?! Поверь, это не каприз, а обдуманное решение. Ты не тревожься, не один иду, а с бывалым товарищем. Он родом из тех мест.

Мать, прикрыв глаза, долго молчала. По ее щекам тихонько текли слезы. Вытащив из-под подушки платочек, вытерла их.

– Ну что ж, сынок, коли твердо решил, твоя воля, – наконец вымолвила она. – Видимо, моя кочевая кровь тебе покоя не дает... Спаси Христос, что побыл со мной, а то ведь и жить не хотелось. Сейчас, чувствую, силенки понемногу возвращаются. Пора вставать, хозяйством заниматься. Да и Катеньке скоро помощь нужна будет. Видел, поди, – на сносях девочка.

– Вот это да! А я и не заметил, – удивился Корней.

– Смотрю на нее и не нарадуюсь – повезло Паше. Такая она проворная и внимательная. Дай Бог им обоим здоровья... За меня не тревожься, не одна ведь остаюсь. Исполняй свое и отцово мечтание.

– Спаси Христос, матушка! Знал, что поймешь.

– Корнюша, каких бы людей ты в дороге ни встретил, худа никому не желай. Худые мысли по миру погуляют и к тебе же возвратятся.

– Не переживай, матушка. Я это давно понял. Не юнец ведь – скоро, сама говоришь, дедом стану. Жаль только, что с Пашей у нас пока никак не наладится.

– А что ты хочешь? Вырос без тебя. Вас ничто, кроме крови, не связывает. Добавь сюда еще и обиду – все росли с отцами, а он без, при живом-то. Ежели хочешь наладить отношения, с семьей надо жить, а ты опять неведомо куда собрался.

– Матушка, мы же с тобой все обговорили. Ну не могу я остаться. Давай не будем об этом больше.

Корней возвратился в монастырь, когда уже вовсю томил июль. От жаркого солнца в воздухе стоял дурманящий запах багульника.

Первым пошел к Географу:

– Николай, задерживаться с выходом больше нельзя. Предлагаю сегодня же все проверить, а завтра в путь.

Когда друзья паковали поняги, от ворот донесся громкий голос Вана:

– Люди, ходи! Товар привез! Люди, ходи! Товар привез!

У ворот стояли навьюченные лошади и китаец с вежливой улыбкой на лице.

Расплатившись с торговцем за доставленный товар, Изосим провел Вана в трапезную и попросил Матрену накормить его. Та подала еду в гостевой посуде и, сев напротив, тут же принялась расспрашивать:

- Как там наши? Прибавление у кого есть?
- Прибавление есть, да ваших нет.
- Как так – нет? – Марфа аж подпрыгнула.
- На пароходе уплыли.
- Куда уплыли? Что случилось? Они ведь хорошо жили, – удивился Изосим.
- Китай новый закон: русский старовер не надо.
- А уплыли-то куда, знаешь?
- Говорили, в Америку.
- Вот тебе на!.. Ну а у тебя как дела?
- Моя теперь совсем плохо. На границе чуть не пропал. Назад ходи. Новый дорога искал.

Не знай, как дальше ходи.

- Ван, ты уж нас не бросай, мы ведь всегда хорошо платим.
- Платите хорошо. Граница плохо стало. Прибавка надо.
- Не переживай. Не обидим.

Попрощавшись, Изосим вышел. Пробыв у себя в келье с полчасика, направился к отцу.

– Тятя, тебя на Чукотку неспроста потянуло. Ван новость принес – маньчжурцы-то, оказывается, в Америку уплыли. Может, как раз на Аляске и обживаются.

* * *

Провожать Корнея с Географом вышли почти все обитатели монастыря. Давали советы, желали удачи. Больше всего переживали за Корнея. Пухлая, предобрая тетка Матрена, беспрестанно всплескивая руками, причитала:

– Корней, да пошто ж ты себя на такие муки обрекаешь? Опамятуйся, пока не поздно! Далеко ль на одной ускачешь? Оголодаете, замрете!

Тот отшучивался:

- Мне на роду написано бродяжничать. Дарья так и говорит: «бродячий волк».
- Дарья зря не скажет.
- Ему, бедошнику, делать больше нечего, вот и изгиляется, – проворчал постаревший

Дубов.

Корней подошел к Тинькову и крепко обнял.

– Николай Игнатьевич, не устаю в молитвах благодарить тебя. Кабы ты не оттяпал мне полноги, давно б землю удобрял.

– Честно говоря, сам радуюсь, что столь удачно вышло.

Из ворот к отбывающим вышел отец Андриан. Путники поклонились настоятелю в пояс:

– Отче, благословите.

– Братья, дело вы затеяли многотрудное. В дороге у разных людей придется бывать, с ними пищу делить, вместе спать. Посему при каждом таком случае читайте очистительную молитву. А вот постами себя не изнуряйте – дорога дальняя, тяжелая, позволительно и послабу дать.

Коли одноверцев встретите – всенепременно контакт налажьте. Сами знаете – свежая кровь нам вельми потребна. Может, и не полные одноверцы, главное, чтобы почитали Святую Троицу, Символ Веры и крещены, яко Иисус, тремя полными погружениями, – напутствовал настоятель. – На грубое слово не сердитесь, на сладкое – не поддавайтесь.

Андриан трижды осенил их благословляющим крестом. Странники, с почтением приложившись к его руке, закинули за спины увесистые поняги и, не оглядываясь, зашагали мимо уже тронутого желтизной поля пшеницы к перевальной седловине.

– Чистой дороги! Никола в путь! Пусть Бог хранит вас! – несло вдогонку.

Корней шел, поскрипывая ремнями протеза, со счастливой улыбкой на устах. Еще бы – наконец он в пути! И сразу глубже стало дыхание, налились силой мускулы. А от пьянящих ароматов разопревших на солнцепеке цветов и трав (скитник по привычке на ходу срывал целебные), от смолистого духа кедрового стланика, от предвкушения встречи с новыми, неизвестными ранее местами, а особенно – с Океаном, сердце переполняла такая неохватная радость, что ему так и хотелось взлететь и парить над любимыми горами и тайгой! Радости добавило и дозволение настоятеля на совместное принятие пищи с иноверцами, а то все думал, как быть, дабы не согрешить и людей не обидеть.

* * *

Взойдя на вершину гребня, Корней остановился. Сняв войлочный колпак и отерев платком со лба пот, выступивший от зноя и затяжного подъема, с волнением оглядел синеватую на северо-востоке зубчатую цепь в пухлой кайме облаков. Где-то там родная Впадина, Глухоманка с жемчужными сливами водопадов, золоторудное гнездо, надежно заваленное им в каменной теснине. Хотя отсюда ничего и не видно, Корней представлял это в мельчайших деталях. Еще бы – исходил все вдоль и поперек!

Сердце невольно сжалось – доведется ли еще когда увидеть? А ведь можно было остаться и спокойно жить с Дарьей, родными. Ан нет, жажда дороги и давняя мечта пересилили.

От этих мыслей отвлек восторженный возглас Николая:

– Корней Елисеевич, гляньте, красотища какая! Какое счастье видеть все это! Словами не высказать, как я рад, что мы наконец в пути!

Дальше шли по продуваемому водоразделу, обходя нагромождения камней и поля низкорослого кедрового стланика, обвешанного небольшими, тугими, пока еще фиолетовыми шишечками. Местами его упругие ветки переплетались столь густо, что по ним можно было шагать, не касаясь земли, но Корней знал, насколько обманчива эта соблазнительная плотность, – если угодишь в прогал между веток, можешь подвернуть ногу или, того хуже, сломать ее. Посему путники старались идти набитыми медвежьими тропами: косолапые тоже избегают коварный стланик. Но еще больше они не любят ходить по сырым, звенящим от комарья низинам. Сверху они кажутся красивыми и ровными, сулят легкую дорогу, а на деле встретят залежалой гнилью и беспощадным гнусом.

Люди шли по водоразделу еще и потому, что с него хорошо просматривалась вязь хребтов и долин, иссеченных пенистыми ручьями. Это облегчало выбор наиболее удобного и короткого маршрута.

В какой-то момент Корней краем глаза уловил чуть заметное движение. Повернувшись, увидел за чапыжником идущую по тропе, ниже по склону, рысь. Рельефно перекатывающиеся под крапчатой шкурой мышцы, мягкая вкрадчивая поступь, уверенный взгляд исподлобья говорили о ее независимом характере. Тем не менее, заметив людей, кошка скрылась, будто растаяла.

Путники то и дело вспугивали клевавших камушки глухарей. Те с оглушительным треском тугих крыльев улетали с залитого солнцем гребня в тенистую чащобу. Одного из них Корней подстрелил на ужин.

Немного погодя дорогу перегородил большой муравейник. На нем лежал, раскинув крылья, ворон. Казалось, птица мертва, но при приближении людей она встрепенулась и взлетела, обдав людей резким запахом муравьиной кислоты.

– Дошлая карга. Намеренно ложится, чтобы муравьи очищали оперение от клещей и паразитов, – на ходу пояснил Корней.

...Завершая дневной ход, светило зависло над горизонтом, и тайга замерла в безмятежной истоме тихого, теплого вечера. Пока подыскивали для ночевки подходящее место с проточной водой, солнце село. Зато их настойчивость была вознаграждена: нашли жизнерадостный родничок, бурунистой струйкой бьющий из-под обомшелого валуна.

Николай, мучимый жаждой, припал к роднику. Корней покачал головой:

– Воду лакает зверье. Негоже нам уподобляться им.

Николай вопросительно глянул.

– Ежели кружка далеко, хотя бы ладонью зачерпни.

Умывшись ключевой водой и разостлав спальники, плюхнулись на них. Усталость быстро сменилась привычной легкостью во всем теле. Чего не скажешь о растревоженной ходьбой с тяжелым грузом культе. Она давала о себе знать пульсирующей болью.

Внимательный Географ взял хлопоты по приготовлению ужина на себя. Соорудил таганок, принес сушняк, достал огниво: кусок кремня и железный брусок с мелкой насечкой. Ударяя им по острой кромке кремня с прижатым к нему куском фитиля, стал высекать искру. Когда он задымил, сунул его под пучок сухой травы и, опустившись на колени, принялся раздувать огонь. Трава задымилась и вспыхнула. На пламя тут же легли завитки бересты, мелкие сучья, сверху – покрупнее. Быстро разгораясь, костер заявил о себе энергичным треском и бойким танцем оранжевых язычков. Пламя, ныряя в сразу сгустившуюся тьму, норвило вырвать у ночи кусочки пространства.

Корней тем временем ощипал и выпотрошил глухаря. Когда мясо сварилось, добавил в котелок собранного по дороге и мелко нарезанного дикого лука и сныти. После вкуснейшей наваристой похлебки Николай взбодрил костерок и принялся что-то записывать в тетрадь.

– Что пишешь?

– Когда вышли, где шли, что видели, где встали. Эту привычку завел с тех пор, как прочитал дневники штурмана Альбанова.

– Мне про такого не попадалось. Чем он известен?

– Он описал историю двухлетнего дрейфа шхуны «Святая Анна» полярной экспедиции Брусилова. Почти все ее участники погибли, но благодаря этим дневниковым записям географические открытия, сделанные ими, стали достоянием человечества. А меня они пристрастили к чтению книг о путешественниках, мореплавателях и совершенных ими открытиях. Самая любимая – «Робинзон Крузо»¹⁰. Кстати, в этом году триста лет с того дня, как он после кораблекрушения оказался на необитаемом острове и прожил там двадцать восемь лет.

– Неужели все годы один?!

– Поначалу один, а потом с индейцем Пятницей. Робинзону повезло, что остров находился в теплых морях. Там круглый год лето. Он, конечно, и сам молодец – никогда руки не опускал. Хижину построил, коз приручил. Нам будет потрудней – идем туда, где море во льдах и девять месяцев зима.

Последние слова Географа произнес зевая.

Костер догорал. Фиолетовые язычки украдкой выглядывали между головешек и снова прятались в мерцающих жаром убежищах. Вот и они погасли. На черном небе сразу отчетливей проступила широкая жемчужная дорожка с разбросанными вокруг нее созвездиями.

¹⁰ Прообразом Робинзона Крузо для писателя Даниэля Дефо послужила история шотландского боцмана Александра Селькирка, проведшего около пяти лет на необитаемом острове Тихого океана близ берегов Чили. Этот остров сейчас так и называется – «остров Робинзона Крузо».

Проснулся Корней от тоненького свиста. Открыв глаза, увидел в лучах солнца шныряющих по стану полосатых бурундучков. Забавы ради тихонько откликнулся голосом самочки. К нему тут же выбежал рыжеватый кавалер. Встав столбиком на обомшелом пне, завертел головкой – где же подружка? Корней повторил свист и осторожно потянул руку к котомке, чтобы достать лепешку. Бурундучок в мгновение ока исчез, но в тот же миг вырос в двух метрах на валежине. Через некоторое время он осмелел и, подбежав к вкусно пахнущим кусочкам, стал забавно запихивать их за щеки.

Эти малыши, пожалуй, самые милые и юркие среди всей таежной мелкоты.

На третий день горы пошли на понижение. Появились кусты жимолости. Сизая кисло-сладкая ягода уже почти вся осыпалась. А вот малина как раз поспевает. Возле особенно урожайных кустов останавливались полакомиться.

Когда отрог сошел на нет, путники оказались в сумраке пойменного леса. Ветра не чувствовалось. Он слегка шумел лишь в позолоченных солнцем вершинах деревьев.

Тропа то пропадала, то появлялась. Деревья местами стояли так плотно, что все звуки глохли, а видимость не превышала пяти метров. Сыростью и гнилью веяло от затянутой влажными мхами земли, в воздухе роились тучи кровососов. Они проникали во все доступные и недоступные места. Уж до чего Корней с Николаем привычны к этим вампирам, но и они, потеряв терпение, то и дело пускались бежать, отмахиваясь ветками. Однако это мало помогло. Стоило замедлить шаг, как их вновь накрывало серое звенящее облако.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.